

Содержание

Введение	9
----------------	---

ПЕРВОПОНЯТИЯ

Безумие	31
Бессмертие	48
Будущее	65
Вера	71
Вечность	82
Вещь	93
Вина	109
Власть	121
Возможное	127
Возраст	144
Гений	159
Глубина	170
Грусть	176
Дом	180
Душа	188
Желание	205
Жизнь	218
Жуткое	238
Игра	251
Интеллигенция	265
Интересное	276
Книга	287

Содержание

Легкость	294
Любовь	299
Малое	312
Молчание	321
Мудрость	334
Мышление	346
Народ	362
Настроение	370
Ничто	375
Новое	394
Обаяние	406
Обида	417
Оболочка	423
Образ	436
Письмо	450
Пошлость	465
Поэтическое	475
Пустота	490
Реальность	499
Ревность	511
Родина	516
Слово	520
Смерть	531
Событие	542
Совесть	548
Сознание	559
Судьба	567
Творчество	585
Тело	602
Тоска	611
Удивление	620
Ум	625
Умиление	636

Содержание

Человек	638
Чистота	656
Чтение	675
Чувство	682
Чудо	693
Summary	701
Table of Contents	706
Именной указатель	708
Предметно-тематический указатель	714

Как так получается, что есть слова, о которых все знают, что они означают, но никто не может их объяснить? Любовь, дружба?..

(Вопрос девятилетнего мальчика)

Мы с легкостью рассуждаем о праве, расах, собственности. Но что есть право, раса, собственность? Мы знаем это и в то же время совершенно не знаем! Таким образом, первостепенные понятия, абстрактные и вместе с тем жизненно важные, которые так настойчиво и прочно завладевают нами; все термины, порождающие в умах народов и государственных мужей мысли, проекты, заключения, решения, от которых зависят судьбы, благоденствие или бедствия, жизнь или смерть, — все это, если хорошенько вдуматься, всего-навсего расплывчатые и недостойные нашего ума символы... Но тем не менее, когда в разговорах люди оперируют такими размытыми категориями, они прекрасно понимают друг друга. Значит, в целом эти понятия ясны и достаточны для общения, но отдельному сознанию кажутся туманными и противоречивыми.

Поль Валери. Заметки о величии и упадке Европы

Введение

Что такое культурный код? Это система знаков и понятий, определяющих наше бытие в культуре. Среди них есть особенно значимые, составляющие систему жизненных координат: «жизнь», «смерть», «судьба», «человек», «душа», «любовь», «ум», «совесть»... Мы часто пользуемся этими понятиями, как будто они самоочевидны и позволяют все объяснить. Парадокс в том, что сами они с трудом поддаются объяснению, даже в рамках тех наук, которые призваны их изучать.

Например, психология — это, по определению, «наука о душе», но собственно душой она давно уже не занимается и считает это понятие донаучным или вненаучным. Точно так же обстоит дело и с мудростью, которая мало интересует современную философию, хотя само название этой дисциплины буквально означает «любовь к мудрости». Филология и лингвистика испытывают трудности с определением такого базисного понятия, как «слово». Биология предпочитает не давать никаких определений понятию «жизнь», даже если ограничиваться ее органической природой, а ведь живыми бывают не только растения и животные, но и мысли, произведения, характеры, разговоры...¹ Понятия, наиболее насыщенные, оказываются

¹ Характерно признание одного из самых разносторонних российских ученых XX в. Н. Н. Моисеева, специалиста в области математики, теории управления, динамики биосферы, философии естествознания: «О том, что такое жизнь, написано множество работ, но ни в одной из них нет достаточно полного определения этого феномена. (...) Я тоже не могу дать определение феномена жизни, и, как мне кажется, его удовлетворительного и достаточно полного определения просто не существует. Но в то же время мы всегда можем отличить живое от неживого». *Моисеев Н. «Жизнь» — еще одно «первопонятие» // Моисеев Н. Универсум. Информация. Общество (2001). URL: <https://fil.wikireading.ru/107411> (дата обращения: 05.01.2022).*

наименее доступны для понимания, самое известное — самым таинственным.

Об этом есть замечательная притча у американского писателя Дэвида Уоллеса (1962–2008):

Плывут как-то две юные рыбки, а навстречу им рыбка постарше, кивает и говорит: «Привет, ребята, ну, как вода?» Рыбешки плывут дальше, а через некоторое время одна спрашивает у другой: «Что еще за „вода“?» (...) ...Самые очевидные и важные стороны реальности зачастую сложнее всего увидеть и выразить словами¹.

Вот так и в стихии мышления важнейшие понятия часто остаются неосмысленными. Эта книга — приглашение к тому, чтобы «увидеть воду»: вдуматься в них и заново осмыслить. Необходимо критическое рассмотрение, казалось бы, привычных понятий, опыт их трудного, вопрошающего понимания, — чтобы они ожили в нашем сознании и вновь приобрели энергию мысли и жизненной ориентации.

Как ни парадоксально, чем больше мы думаем об этих общеизвестных понятиях, тем меньше их понимаем. Так, св. Августин перестал постигать, что такое *время*, как только задумался о нем. «О чем, однако, упоминаем мы в разговоре как о совсем привычном и знакомом, как не о времени? И когда мы говорим о нем, мы, конечно, понимаем, что это такое, и когда о нем говорит кто-то другой, мы тоже понимаем его слова. Что же такое время? Если никто меня об этом не спрашивает, я знаю, что такое время; если бы я захотел объяснить спрашивающему — нет, не знаю»². И только в силу этого недоумения перед ранее понятным св. Августин приходит к тому новому пониманию, которое и заложило основу европейской философии времени.

¹ Wallace D. F. This is Water (2005). URL: <https://fs.blog/2012/04/david-foster-wallace-this-is-water/> (дата обращения: 05.01.2022).

² Августин Аврелий. Исповедь. Кн. 11, XIV / пер. М. Е. Сергеенко. М.: Республика, 1992. С. 167.

То же самое можно сказать о жизни и смерти, о любви и уме, о душе и обаянии. Чем больше мы стараемся их определить, тем больше их сущность ускользает от нас, а вникая глубже, мы приходим к чему-то неожиданному. Эти понятия вмещают собственную противоположность. Например, при анализе понятия *судьба* мы приходим к выводу, что оно заключает в себе не только понятие необходимости, но и, как первичное, понятие свободы. Парадокс *веры* в том, что она обращена к чему-то маловероятному или даже невероятному. *Обаяние* не только отличается от красоты, но и противоположно ей. Почему всем нам знакомая эмоция, *удивление*, считается источником познания и причиной зарождения всех наук, а корень этого слова тот же, что в словах *deus, theos* (бог)? Или вот, казалось бы, самоочевидное — *вещь*. Чем она отличается от предмета? Почему из того же корня происходят слова «вещать», «весть», «вещий»? Хорошо ли в нравственном смысле любить и собирать вещи, не унижает ли это достоинство и свободу человека? Почему овеществление и вещизм — это плохо, а сказать о чем-то: «Это вещь!» — похвала?

Что такое первопонятие?

Первопонятия представляют собой древние, универсальные мыслеобразования, более или менее общие для всего человечества. В отличие от юнгианских «архетипов», они принадлежат сфере *коллективного сознания*, а не бессознательного. Это своего рода *антропологические универсалии*, первоэлементы общечеловеческого опыта, преломленные через национальные языки и культуры. Вместе с тем обобщенность этих понятий не носит абстрактного характера, присущего метафизическим или логическим категориям, таким как «сущность», «количество», «качество», «тождество», «различие», «единство», «множество» и пр. Первопонятия гораздо более конкретны по значению и выступают не как результат логического анализа,

а как наиболее насыщенные, общезначимые элементы жизненного мира. Вместе с тем первопонятия отличаются и от таких научных понятий, как «квант» или «галактика», «ген» или «организм», многие из которых — международные термины, пришедшие из греческого или латыни. Первопонятия, напротив, чаще всего выражены исконными корнями, поскольку принадлежат сознанию всего народа. Они приняты всем языковым сообществом не в результате терминологизации, то есть усечения до однозначности, но именно в силу их многозначности и широчайшего использования во всех стилях. Они *первые* по своей значимости в сознании людей, в их понимании ценностей и целей существования. Они принадлежат не к сфере логики и не к материальной сфере (в отличие от предметных понятий типа «стол», «чашка», «дерево»), но к сфере смыслополагания, духовных энергий, жизненных ориентаций.

Первопонятия — это строительные блоки мышления, причем они лежат в самом его фундаменте и имеют решающее значение для таких когнитивных и психологических процессов, как категоризация, умозаключение, память, обучение, принятие решений, целеполагание. Как правило, первопонятие выражается в отдельном слове, которое приобретает особый ценностный статус, а иногда пишется с большой буквы («Бог», «Дух», «Жизнь», «Судьба», «Разум», «Любовь»). Например, все относящееся к жизни как процессу самоорганизации биологических систем и развития организмов объединяется понятием «жизнь», а все относящееся к естественному или искусственному завершению этого процесса — понятием «смерть». Само наличие слова, символического тела, указывает на бытие первопонятия в его целостности, тогда как более подробные понятия выражаются сочетаниями слов (ср. «муки совести», «ирония судьбы», «воля народа»). Первопонятие близко тому, что в древнегреческой мысли понималось под *логосом*: это одновременно слово,

понятие и смысл, то есть понятие, материально оформленное в слове и обладающее энергией смыслополагания.

То, что в этой книге называется «первопонятием», в известном «Русском идеографическом словаре» под редакцией Н. Ю. Шведовой выступает как «ключевой концепт», или «великий концепт», и определяется как «отлившееся в слово... им материализованное, в него вмещенное понятие... Концепт всегда означен словом — либо многозначным, либо готовым расширить, углубить свою семантическую структуру... (...) ...Суммируя, можно сказать, что концепт есть исторически сложившаяся, словесно выраженная понятийно-языковая целостность, определенно относящаяся к одной из основополагающих сфер существования человека, средствами языка всесторонне осмысленная...»¹.

Говоря об общеизвестных понятиях, я предпочитаю использовать столь же общеизвестное слово «понятие», а не специальный термин «концепт», в последние тридцать лет все более употребительный в российских исследованиях по лингвистике и когнитологии. «Концепт» — это единица ментального лексикона, предмет историко-структурного анализа того, что и в житейском обиходе, и в литературной и философской традиции называется «понятием». Слово «понятие» принадлежит всему языку и имеет гораздо более широкий круг ассоциативных значений и сочетаемости в разных смысловых контекстах. Да и само различие «понятия» и «концепта» достаточно условно, поскольку возникло недавно — и только в русском словоупотреблении. В английском и французском языках «понятие» и «концепт» обозначаются одним и тем же словом «concept». Суть в том, что латинское *conceptus* вошло в русский язык дважды, сначала в виде его буквального перевода (кальки) «понятие», а затем, уже в конце XX века, в виде прямого заимствования из

¹ Шведова Н. Ю. Теоретическая основа словаря. URL: <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=5486> (дата обращения: 05.01.2022).

английского «concept» (также пришедшего из латыни). Поэтому различие «понятия» и «концепта» — это чисто российское нововведение, обусловленное наличием двух лексем, в разное время усвоенных из иноязычных источников; для наших целей это различие, теоретически еще не вполне четкое и не общепринятое, не имеет значения¹.

Основные свойства первопонятий

Среди известных российских исследователей «понятия понятия» или «концепта концепта» следует назвать С. Аскольдова, Д. Лихачева, Ю. Степанова, Е. Кубрякову². При всей разности существующих определений, можно выделить такие общие свойства первопонятий:

1) *универсальность*: первопонятие объединяет всех представителей данного языкового сообщества (нации) и служит средством передачи самых общих мировоззренческих и жизнестроительных смыслов;

2) *константность*: устойчивость, преемственность на протяжении всего существования цивилизации или дли-

¹ Даже в базовом определении Н. Шведовой разница концепта и понятия остается не вполне ясной: «**Концепт** — это содержательная сторона словесного знака (значение — одно или некий комплекс ближайше связанных значений), за которой стоит понятие (то есть идея, фиксирующая существенные „умопостигаемые“ свойства реалий и явлений, а также отношения между ними)... (...) Понятие, лежащее в основе концепта, имеет свой собственный потенциал...» (Шведова Н. Ю. Русский язык: Избранные работы. М.: Языки славян. культуры, 2005. С. 603). Если за концептом стоит «понятие, то есть идея», если понятие «лежит в основе» концепта, то в чем состоит принципиальное различие между ними? Впрочем, это не отменяет возможности далее плодотворно разрабатывать и артикулировать это различие, пользуясь терминологическим «дуплетом», специфическим для русского языка.

² Приведем ряд предложенных ими определений. Один из первых русских мыслителей, обратившихся к исследованию концепта, — С. А. Аскольдов-Алексеев. «Концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода...» (Аскольдов С. А. Концепт и слово (1928) // Русская словесность: Антология. М.: Academia, 1997. С. 267–280). Д. С. Лихачев предлагал «считать концепт своего рода «алгебраи-

тельной эпохи; подчас укорененность в древних, мифологических представлениях;

3) *интегративность*: первопонятие сочетает в себе интеллектуальные, эмоциональные, моральные, коммуникативные аспекты в их неразрывном единстве;

4) *системность*: первопонятие вписано в систему культурного кода и соотносится с другими понятиями в смысловых иерархиях, где оно занимает одну из высших ступеней;

5) *аксиоматичность*: первопонятие выступает как самоочевидное, самообоснованное, признанное в культуре как точка отсчета для других понятий и способ их определения;

6) *дискуссионность*: первопонятия вызывают множество споров, разногласий; за право их использовать и привлекать на свою сторону борются разные мировоззрения, идеологии, методологии;

7) *потенциальность*: первопонятие обладает открытой структурой, допускающей множество интерпретаций и, оставаясь константным, непрестанно расширяет свой смысл, предоставляет возможности для домысливания

ческим» выражением... Которым мы оперируем в своей письменной и устной речи, ибо охватить значение во всей его сложности человек просто не успевает, иногда не может...» (Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Лихачев Д. С. Очерки по философии художественного творчества. СПб.: Рус.-балт. информ. центр «Блиц», 1996. С. 139–156). Согласно Ю. С. Степанову, «концепт — это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. (...) Концепты не только мыслятся, они переживаются. Они — предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений» (Степанов Ю. С. Константы: Слов. рус. культуры: Опыт исследования. М.: Шк. «Языки рус. культуры», 1997. С. 40, 41; анализ структуры концептов на с. 40–76 этой книги — один из самых фундаментальных в российской науке). По определению Е. С. Кубряковой, концепт — это «единица ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная держательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга... всей картины мира, отраженной в человеческой психике» (Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Филол. фак. Моск. гос. ун-та, 1996. С. 90).

и переосмысления, играет активнейшую роль в смене культурных парадигм¹.

Далее следует указать несколько главных черт первопонятий с точки зрения разных дисциплин, их изучающих:

1) эпистемология: обобщенность понятийного содержания, стяжение многих элементов общечеловеческого опыта в одно смысловое целое;

2) культурология: характерность для данной культуры в разных ее национальных, социальных, стилевых, идеологических измерениях; определяющая роль в построении культурного кода;

3) история: эволюция первопонятий в разные эпохи при сохранении их смыслового ядра, что позволяет проследить на их фоне изменение исторических контекстов;

4) аксиология: сверхценность, духовная сверхзначимость, определяющая роль в формировании картины мира и в системе жизненных ориентаций;

5) лингвистика: воплощенность в одном слове, которое часто наделяется не только информативной, но и нормативной и перформативной функцией, содержит наставление, призыв, установку на определенное действие или отношение.

Помимо всего перечисленного, первопонятия обладают еще и своеобразной харизмой, на что указывает историк Ричард Уортман в своей книге «Власть языка и риторики в российской политической истории: Харизматические слова от XVIII до XXI века». Рассматривая такие первопонятия, как *радость, любовь, умиление, восторг, личность, правда, целость*, Уортман замечает:

Такие харизматические слова могут оказывать эмоциональное воздействие и функционируют как доминантные символы, часто независимо от своего специ-

¹ Из вышеперечисленных признаков, в частности, следует, что первопонятия *антиномичны*, сочетают в себе противоположные черты, такие как аксиоматичность и дискуссионность, константность и потенциальность. Они воспринимаются как интуитивно ясные, самоочевидные, но за их присвоение, «апроприацию» ведется борьба, их истолкование вызывает споры.

фического референтного значения. (...) ...Такие слова могут возбуждать страх, экзальтацию, увлеченность, экстаз, отвлекая индивида от обыденности... (...) Харизматические слова имеют неясные границы, их значение часто варьируется в соответствии с идеологическим настроением эпохи и ускользает от точных дефиниций. Эта черта отличает их от понятий — идей с определенными границами, предписанными властями либо в форме декретов, либо в сочинениях философов, властителей дум своей эпохи. Хотя такие слова могут вырастать из специфических понятий культуры, гражданства, личности и справедливости, они сами вызывают чувство восхищения и даже трансценденции. Они представляют значения, которые преобладают в данный момент среди образованных русских, находятся ли они на имперской службе или принадлежат субкультуре, посвящающей свою жизнь идеям, — интеллигенции¹.

Итак, первопонятие — это единица мышления, объединяющая самые общие и устойчивые признаки множества явлений для воплощения в одном слове как наименьшей самозначимой единицы языка. Особенность первопонятия — его смысловая энергия: наибольшее выражено в наименьшем. Минимальный знак (одно-единственное слово) включает в себе максимум мыслительного содержания. Максимум плана содержания — в минимуме плана выражения. Эти предельно емкие по смыслу и предельно сжатые по выражению единицы мышления обладают властью над общественным сознанием и формируют знаковый код, определяют бытие человека в культуре.

Разные подходы к понятиям

В изучении и описании понятий — концептологии и концептографии — есть различные методы, традиции, дисциплины. В общественных науках выделяется мощ-

¹ Wortman R. The Power of Language and Rhetoric in Russian Political History: Charismatic Words from the 18th to the 21st Centuries. London; New York: Bloomsbury Academic, 2019. P. 2–4.

ное движение «*история понятий*», представленное немецкой школой Begriffsgeschichte (Р. Козеллек) и англосаксонской History of Concepts (К. Скиннер). Исследуется происхождение и формирование понятий прежде всего в социально-политической сфере, таких как «общество», «государство», «республика», «либерализм», «революция», «класс» и пр.

Широко распространен лингвистический подход к концептам в формате идеографических и семантических словарей, где описывается бытование данного понятия в лексико-семантической системе языка на основе большого массива примеров из авторов разных эпох. Самый удачный образец такого подхода — вышеупомянутый «Русский идеографический словарь» под редакцией Н. Шведовой¹. Лингвисты, которые занимаются изучением «ключевых слов» как элементов языковой картины мира, ориентируются на классические работы Анны Вежбицкой, такие как «Толкование эмоциональных концептов» и «Концептуальные основы психологии культуры». На базе этого системно-семантического подхода возникли значительные труды Алексея Шмелева, Анны Зализняк и Ирины Левонтиной².

Возможны разные комбинации лингвистического, исторического и культурологического подходов. В России самый удачный и ранний по времени образец такого синтеза — книга Юрия Степанова «Константы. Словарь русской культуры» (1997), продолженная в его труде «Концепты. Тонкая пленка цивилизации» (2007). Начиная каждую словарную статью с этимологии понятия

¹ Русский идеографический словарь: Мир человека и человек в окружающем его мире / отв. ред. акад. РАН Н. Ю. Шведова; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. и лит. им. В. В. Виноградова. М.: Азбуковник, 2011. 1032 с. Словарь включает 80 концептов, относящихся к духовной, ментальной и материальной сферам жизни человека.

² Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. / Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. М.: Языки славян. культур, 2005; Константы и переменные русской языковой картины мира: сб. ст. / Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. М.: Языки славян. культур, 2012.

и структуры лексического значения, автор движется через его историю в европейской и русской культурах вплоть до нашего времени, обильно черпая из источников, строя компендиум философских, литературных, публицистических цитат, подтверждающих значение концепта, выявляющих его смысловое ядро.

Таким образом, возникла особая дисциплина на границах лингвистики и культурологии — *концептология*, которая занимается системным описанием концептов исходя из их бытования в языке и в контексте национальной культуры¹. Концептология — это своего рода алгебра мышления, которая имеет дело с наиболее общими понятиями, но, в отличие от логики, рассматривает их семантику, а не формальный синтаксис.

Концепты описываются также более традиционным образом в толковых, энциклопедических и терминологических словарях, охватывающих понятийную систему той или иной области, дисциплины, например в философских и психологических энциклопедиях. Замечательный образец — книга Сергея Аверинцева «Логос-София. Словарь», составленная из его статей для разных энциклопедических изданий.

Концептивный и проблемный подход

Данная книга не относится ни к одному из вышеназванных типов. Это не идеографический и не энциклопедический словарь, не историческое или лингвистическое исследование понятий. Мой подход к концептам — собственно *концептивный*, имея в виду, что само понятие «концепт» образовано от латинского *concipere* — «зачинать, замышлять», а *conceptus* употреблялось чаще всего как причастие со значением «зачатый». Концепт — это

¹ Наиболее полно такой подход представлен в издании: Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Т. 1–8. Волгоград: Парадигма, 2005–2011.

в сущности зародыш, зачаток мысли¹. Русское «понятие» этимологически и семантически родственно древнерусскому «поятие», соотносимому с браком («поять жену»). Когда говорят о *концепте* или *концепции* чего-то, предполагается акт зачатия, творческого образования данного мыслительного объекта.

Существующая *концептология* рассматривает понятия «уже готовыми», сформированными в языке, в истории, в культуре, — это описательно-аналитический подход. Напротив, *концептивистика* (как я предлагаю назвать это направление) рассматривает понятия как зачинательные единицы мышления, как своего рода семена, из которых образуются тела мысли. Первопонятия близки тому, что стойки, в частности Посидоний, понимали под «семенным логосом», «*Logoi Spermatikoi*», — семенные смыслы, огненные мыслящие зародыши всех вещей. «...Как в поросли содержится семя, так и бог, сеятельный разум мира... приспособляет к себе вещество для следующего становления...» (Диоген Лаэртский; кн. 7, 136)².

Первопонятия в данной книге — это именно семена «сеятельного разума», зачинательные акты мысли. Они рассматриваются не как итог, а как предпосылка процесса мышления. Если концептология завершает путь понятия его описанием, дефиницией, то цель этой книги — вывести понятие из равенства себе, проблематизиро-

¹ Как отмечает В. З. Демьянков, «даже в философских текстах Средних веков, например у Тертуллиана (160–220), у св. Августина (354–430), у Боэция (480–524), *conceptus* употребляется чаще всего как причастие со значением „зачатый“... (...) История употребления термина *концепт* в разных языковых ареалах демонстрирует сохранение исходной мотивации, метафоры, исходно лежавшей в образе, — идею „зачаточной истины“. Эта метафора, как справедливо указывает Н. Ю. Шведова, сохраняется в той трактовке, при которой концепты рассматриваются как „эмбрионы“ мысленных операций...». Демьянков В. З. Термин «Концепт» как элемент терминологической культуры // Язык как материя смысла: сб. ст. к 90-летию акад. Н. Ю. Шведовой / Рос. акад. наук; Ин-т рус. яз. и лит. им. В. В. Виноградова; отв. ред. М. В. Ляпон. М.: Азбуковник, 2007. С. 607, 621.

² Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1979. С. 310.

вать его, подключить энергию его смысла к пересмотру картины мира. Для меня первопонятие — это не точка прибытия, а *точка отправления*, завязка интеллектуального сюжета, который разворачивается из первопонятия как переводигателя мышления. В этом смысле оно и «перво-».

В «Антологии концептов» концепт определяется как «квант структурированного знания»¹. Но что такое квант? Это элементарный импульс энергии. Точно так же концепт не существует вне энергии мышления, вне динамики умственного процесса. Как правило, в концептографиях и концептологиях, в словарях и антологиях концепты рассматриваются в момент остановки. Но каждое понятие вызвано к жизни импульсом мысли — вопросом, и, в свою очередь, вызывает дальнейший вопрос. Задача этой книги — продемонстрировать игру каждого понятия, богатство его смыслов, его ментальный горизонт, многообразие тех контекстов, куда оно может быть вписано, приобретая все новый смысл.

Это также контекстуальный подход: *концепты* рассматривают внутри *концепций*, мыслительных построений, подобно тому как смысл кирпичей становится ясен лишь внутри зданий, которые из них можно построить. Девиз данного исследования: нет первопонятия без проблемы, призывающей к новому его осмыслению. Это не исторический, не лингвистический, не эмпирический подход к понятиям, но именно *проблемный*. Цель — не дескрипция и классификация, а *проблематизация* понятий в характерных для них смысловых контекстах. Меня интересует не история понятия, а его насущность для мышления, его мыслиемкость, способность «взрывать» сознание, обозначать ростковые точки современной культуры. Понятия рассматриваются как конструктивные единицы мышления, внутри тех проблем, которые ими ставятся и решаются. Понятие без проблемы — это как рабочий инструмент без предмета и цели применения.

¹ Попова З. Д., Стернин И. А. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку // Антология концептов. Т. 1. С. 7.

Жанр книги

Жанр данной работы можно определить как «книгу понятий». Из важных для меня прецедентов упомяну два известных понятийных компендиума. Книга Олдоса Хаксли «Вечная философия» (1945) — это компендиум религиозной и мистической мудрости. В ней 27 глав: «Бог в мире», «Истина», «Самопознание», «Добро и зло», «Благодать и свободная воля», «Время и вечность», «Молчание», «Молитва», «Страдание»... Каждая глава включает в себя, наряду с суждениями самого Хаксли, много цитат и выдержек из духовных первоисточников — своего рода синтез трактата и хрестоматии.

Книга «Ключевые понятия. Словарь культуры и общества» (1976) британского теоретика культуры, неомарксиста Реймонда Уильямса (1921–1988) отразила методологию политически ориентированных «культурных исследований» (cultural studies), одним из зачинателей которых был сам Уильямс. Круг понятий здесь значительно шире, около 130, и среди них преобладают социокультурные и идеологические: *Анархизм, Бюрократия, Коллектив, Демократия, Элита, Эволюция, Семья, Труд, Отчуждение, Идеология, Миф, Работа, Секс, Насилие...* Здесь господствует исторический подход к понятиям: прослеживается их этимология, эволюция их значения в разные эпохи и в разных мировоззрениях, приводятся их определения у влиятельных мыслителей.

Книга Хаксли — путеводитель в мир высших смыслов и духовных медитаций, книга Уильямса — инструмент критического исследования современной культуры. Моя цель иная, не спиритуально-поучительная и не историко-аналитическая. Меня интересуют понятия как *инструменты интеллектуального творчества*: какие проблемы они ставят перед мышлением, какие парадоксы в них заключены и какие идеи, концепции, гипотезы из них вырастают. Поэтому я отбираю понятия не по темам, не по их тяготению к мистике или политике, к спиритуальности или социальности, а по степени их интеллектуаль-

ной «взрывчатости» и значимости для культуры вообще. Если «Первопонятия» и можно назвать «словарем», то это словарь *конструктивных возможностей ключевых понятий* — во всей их проблемности и парадоксальности¹.

Еще одна жанрово-стилевая особенность данной книги — установка на *общепонятность*, обусловленная самим ее предметом: *первопонятиями*. Я стараюсь избегать сложной терминологии и теоретического жаргона, обращая эту книгу не к специалистам в области концептологии, когнитивистики, лингвистики, эпистемологии, хотя, надеюсь, и для них книга может представлять интерес. Но целевая аудитория видится мне гораздо более широкой: все, для кого ключевые понятия — не звук пустой, но основа осмысленного бытия в культуре и кто хочет подвергнуть их критической рефлексии в контексте исторических традиций и современных интеллектуальных исканий.

Структура книги

Каждая статья в этой книге, как правило, исходит из достаточно традиционных определений данного понятия. Это точка отправления — а далее начинаются приключения мысли, движение в одном или нескольких направлениях, в кругу тех проблем, которые возникают в связи с данным понятием и делают проблемным его само. Почти все статьи делятся на главки, где данное

¹ Важно подчеркнуть, что это понятия традиционные, общепринятые, в отличие от новых понятий и терминов, которые предлагались для введения в научный и литературный язык в ряде моих предыдущих книг: *Эпштейн М. Н. Проективный словарь гуманитарных наук*. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 612 с.; *Проективный философский словарь: Новые термины и понятия* / под ред. Г. Л. Тульчинского и М. Н. Эпштейна (автор предисловия и 90 статей). СПб.: Алетейя (серия «Тела мысли»), 2003. 512 с.; *Философский проективный словарь: Новые термины и понятия*. Вып. 2 / под ред. Г. Л. Тульчинского и М. Н. Эпштейна (автор предисловия и 143 статей). СПб.: Алетейя, 2020. 544 с.; *PreDictionary: An Exploration of Blank Spaces in Language*. San Francisco: Atelos, 2011. 155 p.

первопонятие сопоставляется с другими, вводится в характерный для него контекст. Например, *судьба* рассматривается в связи с понятиями *свободы*, *фатализма* и *детерминизма*; *совесть* — в связи с *мудростью* и *цинизмом*; *обаяние* — с *красотой* и *игрой*; *жуткое* — со *странным* и *сверхъестественным*.

Понятия, которые используются для определения первопонятий, то есть *второпонятия*, тоже играют важную роль в этой книге — как своего рода задний ряд в мыслительной панораме, придающий ей объемность. Они включены в предметный указатель. Причем функции первопонятий и второпонятий могут меняться, например понятие «ум», которому посвящена отдельная статья, выступает как одно из второпонятий в статье о мудрости, а «мудрость» как второпонятие — в статье о совести. Одна из задач этой книги — раскрыть многомерность и внутреннюю связность концептосферы, все элементы которой соотносятся и взаимодействуют друг с другом.

Если словари и энциклопедии стремятся унифицировать понятия в самом способе их подачи, привести их к общему знаменателю, то в этой книге, напротив, мне хотелось выстроить вокруг каждого понятия свойственную только ему атмосферу, ауру, ассоциативную систему. Поэтому статьи различаются по объему и структуре. Каждое понятие — это личность, уникал: оно достойно того, чтобы выйти из словарной шеренги и стать центром своей собственной маленькой ноосферы, мыслевселенной.

Выбор алфавитного порядка объясняется тем, что многие первопонятия могут быть поставлены в самые разные тематические ряды. Например, *любовь* соотносится с *желанием* и *бессмертием*; *чудо* — с *верой* и *удивлением*; *творчество* — с *гением* и *мышлением*... Загонять каждое понятие только в одну тематическую ячейку означало бы сужение его проблемного поля и к тому же создавало бы иллюзию линейного развития мысли, свойственную трактатам и философским системам, каковой эта

книга не является. Первопонятия не выводятся одно из другого, но образуют мыслительную среду, концептосферу, континуум, ландшафт, где каждое здание стоит на собственном основании, — и вместе с тем они сочетаются и дополняют друг друга как элементы ментально-архитектурной среды.

В конце каждой статьи, после знака \Rightarrow , приводятся другие понятия, которые тесно соотносимы с данным и указывают возможные пути дальнейшего чтения. Иначе говоря, наряду с формальным, алфавитным порядком прослеживаются содержательные, проблемные ряды понятий. Общий содержательный план книги приводится ниже: шестьдесят статей, которые можно было бы распределить по семи тематическим разделам.

1. ЖИЗНЬ

Жизнь
Судьба
Событие
Новое
Будущее
Возраст
Смерть
Бессмертие
Вечность

2. РЕАЛЬНОСТЬ

Реальность
Возможное
Чудо
Глубина
Оболочка
Малое
Вещь
Дом
Пустота
Ничто

3. ЧЕЛОВЕК

Человек

Душа

Совесьть

Вина

Тело

Чистота

Легкость

Обаяние

Пошлость

Жуткое

4. ЧУВСТВО

Чувство

Любовь

Желание

Ревность

Настроение

Грусть

Тоска

Обида

Удивление

Умиление

Вера

5. УМ

Ум

Безумие

Сознание

Мышление

Мудрость

6. ВЛАСТЬ

Власть

Народ

Интеллигенция

Родина

7. ТВОРЧЕСТВО

Творчество
Гений
Интересное
Поэтическое
Игра
Образ
Слово
Молчание
Письмо
Чтение
Книга

Разумеется, в этой книге очерчена только часть концептосферы — первопонятия, которые мне представляются наиболее интересными, проблемными, харизматичными. Ю. С. Степанов в предисловии к своему словарю концептов замечает, что «количество их невелико, четыре-пять десятков, а между тем сама духовная культура всякого общества состоит в значительной мере в операциях с этими концептами»¹. Вполне соглашаясь с этим заключением, я бы определил гипотетически объем концептосферы, точнее, ее смыслового ядра, числом 120–150 единиц². По сути, вся умственная жизнь человека в культуре — это расширение личного словаря понятий и постепенное их переосмысление, поиск того предельно емкого языка, на котором можно говорить о главном с самим собой и с другими (самосознание и взаимопонимание).

¹ Степанов Ю. С. Цит. изд. С. 7.

² Помимо первопонятий, рассмотренных в этой книге, я включил бы в их ряд еще около шестидесяти: Бог, богатство, вкус, возвышенное, воля, воображение, время, город, государство, грех, действие, демократия, добро, дружба, дух, еда, жалость, закон, земля, зло, знак, знание, идея, истина, история, красота, культура, личность, мир, миф, надежда, наука, небо, общество, обычай, огонь, опыт, память, природа, прогресс, пространство, радость, разум, свобода, семья, слава, случай, смех, смысл, собственность, сон, страх, суд, счастье, техника, трагическое, труд, честь, число, язык.